

Л. В. Воронина

Прагматический ракурс рациональной грамматики: концепция языковых антиномий и ее реализации в современном политическом дискурсе

В фокусе внимания анализ языковых дихотомий «субъективное vs объективное», «рациональное vs эмоциональное» в дискурсивной перспективе. Цель – выявить пути разрешения языковых антиномий на примере текстовых единиц с семантикой цели, функционирующих в жанре интервью с политическим лидером. Методом сплошной выборки на материале российских массмедиа был выделен и проанализирован корпус актуальных языковых репрезентантов семантики цели с точки зрения их соотносительности с уровнями языковой системы и представлен их ранжированный список с позиций прагматического принципа Приоритета, устанавливающего зависимость между субъективным выбором формы грамматической конструкции и коммуникативно-смысловой значимостью текстовой единицы. Выявлено, что семантика цели характеризуется серьезной ресурсностью плана выражения, представленного двумя группами, выделяемыми на основе прямой референции к событию цели (квалификаторы) и косвенной референции (реляторы) и обладающими разной степенью коммуникативной значимости, что, в свою очередь, определяет иерархический характер организации языковых репрезентантов цели в рамках моделируемой на системно-языковом и прагматическом основаниях коммуникативной парадигмы.

Ключевые слова: языковые антиномии, семантика цели, текстовые единицы, политический дискурс, коммуникативная парадигма, прагматический принцип Приоритета.

Для цитирования: Воронина Л. В. Прагматический ракурс рациональной грамматики: концепция языковых антиномий и ее реализации в современном политическом дискурсе // Art Logos (искусство слова). – 2025. – № 2. – С. 183–197. DOI: 10.35231/25419803_2025_2_183. EDN: SDCSQO

Сомнений не вызывает тот факт, что современное состояние языковой системы и ее дальнейшие перспективы обусловлены «противоречивостью протекающих процессов» [6, с. 19], или антиномиями – имманентными законами языка, регулирующими его изменения. В их числе дихотомия говорящего и слушающего, узуса и возможностей языковой системы, антиномия, вызванная асимметричностью языкового знака, наконец, антиномия регулярности и экспрессивности [18]. Не каждая в отдельности, но как «созвездие антиномий»,

по меткому выражению П. А. Флоренского, они «путеводят языкознание» [21, с. 89], определяя траекторию его развития.

Первые о применении философского метода антиномий в языке заговорил В. фон Гумбольдт. В своей работе «О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития» (1820), подчеркивая ресурсность и самодостаточность языковой системы, он отмечал: «Наряду с уже оформившимися элементами язык состоит из способов, с помощью которых продолжается деятельность духа, указывающего языку его пути и формы»¹. Предложенные немецким философом идеи о диалектических противоречиях объективности и субъективности, речи и понимания, свободы и необходимости, народа и индивидуума как движущих сил развития языка получили свою конкретизацию в основополагающих работах отечественных лингвистов А. А. Потебни [19], М. В. Панова [16–17], П. А. Флоренского [20], П. А. Леканта [14]. В настоящее время в фокусе внимания исследователей оказываются вопросы рационального и эмоционального в различных типах институционального дискурса [4; 10–11], кода и текста [7; 24], нормы и узуса [13; 23], слушающего и говорящего [8–9; 13] и др. Тем не менее вне фокуса внимания оказываются прикладные аспекты языкознания, ориентированные на использование метода языковых антиномий к сегментам естественного дискурса, в том числе политического, коммуникативные конфигурации смысла языковых репрезентантов как реализации заложенных в языковых антиномиях противоречий.

Цель настоящей научной работы – выявить пути разрешения языковых антиномий объективного и субъективного, рационального и эмоционального в современном русском политическом дискурсе на примере языковых репрезентантов семантики цели – предполагает, во-первых, анализ корпуса лексико-грамматических вариантов выражения целевого значения с точки зрения способа референции к событию цели и, во-вторых, исследование пропозитивного и прагматического компонентов семантики текстовых единиц с целью их ранжирования с позиций прагматического принципа Приоритета.

¹ Вильгельм фон Гумбольдт. О сравнительном изучении языков применительно к различным эпохам их развития. Электронный ресурс. URL: <https://philologos.narod.ru/classics/humboldt.htm#prir> (дата обращения: 04.03.2025).

Следовательно, применение метода языковых антиномий «рациональное vs эмоциональное», «объективное vs субъективное» позволяет установить корреляции между уровнями языковой системы (рациональная, объективная грамматика) и коммуникативной организацией текстовой единицы (прагматический выбор субъекта речи) и на системно-языковом и прагматическом основаниях разработать коммуникативную парадигму языковых репрезентантов семантики цели.

Материалы и методы

Эмпирическим материалом исследования послужили фрагменты спонтанно организованного политического медиадискурса, выделенные методом сплошной целенаправленной выборки, а также искусственно смоделированные структуры, содержащие текстовые единицы с семантикой цели, выступающие объектом настоящей научной работы.

Лингвистическое исследование проводилось в рамках антропоцентрической парадигмы научного знания при осуществлении коммуникативного, прагматического и когнитивно-дискурсивного подходов. Для формирования теоретической базы исследования при сопоставлении точек зрения лингвистов применялся метод общезнаменательной аргументации; при работе с языковым материалом для идентификации семантики цели – метод структурно-семантической трансформации, а также методы дискурс-анализа и формализации результатов исследования.

Результаты

«Нет индивидуального языка, который не был бы вселенским в основе своей; нет вселенского языка, который не был бы в своем явлении – индивидуальным», – так пояснял суть дихотомии «объективное – субъективное» П. А. Флоренский [21, с. 98], отталкиваясь от исходной позиции В. фон Гумбольдта о языке как средстве «не столько выражать уже готовую истину, сколько открывать прежде неизвестную – по отношению к познающему лицу есть нечто объективное, по отношению к познаемому миру – субъективное» [19, с. 42]. В коммуникативной перспективе данные размышления получают свое осмысление в современных лингвистических концепциях

текста, природа которого определяется в коммуникативно-деятельностном ракурсе как «структурированная система кодов разноприродного характера» [2, с. 8].

С другой стороны, диалектическое противоречие регулярности и экспрессивности, или антиномия интеллектуального и аффективного, разрешается в зависимости от доминирования функции, которую выполняет языковой репрезентант, – сообщение (актуализация пропозитивного слоя семантики) или воздействие (актуализация прагматического слоя семантики). Закономерно вытекающая из вышеназванной антиномии дихотомия «информема – прагмема» [5, с. 259–260] коррелирует с лингвистической концепцией И. М. Кобозевой о трех слоях семантики высказывания [12], получающих разную актуализацию в зависимости от ситуации коммуникации, имеет пересечения с идеей П. А. Леканта о взаимосвязи рационального и эмоционального в синтаксических структурах [14].

Текстовые единицы с семантикой цели, функционирующие в публичном политическом дискурсе в жанровой его разновидности интервью, безусловно соотносимы с указанными выше видами кодов и могут быть рассмотрены с позиции выполнения ими доминирующей информативной или аффективной функций. Отметим сразу, что свое видение интеллектуального и аффективного мы основываем на лингвистической концепции дихотомии рационального и эмоционального П. А. Леканта, полагающего, что «рациональные структуры, рациональные формы русского предложения предназначены для выражения и рационального, и эмоционального содержания» [14, с. 201]. Следовательно, рационализм грамматики отнюдь не ограничивает ее возможностей в формировании на исключительно грамматических, языковых показателях эмоционального, а, следовательно, субъективного, и даже в какой-то мере способствует актуализации прагматического слоя высказывания текстовой единицы и установлению зависимости между объективным – корпусом грамматических средств конкретного языка – и субъективным выбором коммуниканта, ибо, как справедливо полагал Э. Хауген, «коммуникация не ограничивается референциальной передачей информации» [22, с. 455–456]. Речь идет о прагматическом принципе Приоритета, детально разработанном А. А. Кибри-

ком, М. Б. Бергельсон [3], в соответствии с которым прагматически значимая информация получает «коммуникативно выделенное (более развернутое, грамматически престижное) оформление»¹. С этой точки зрения корпус языковых репрезентантов семантики цели может быть представлен в виде иерархически организованной структуры, на уровнях которой размещаются коммуникативно неравнозначные грамматические структуры. Ранжирование осуществляется по вертикали в порядке ослабления коммуникативной нагрузки.

Так, актуально значимое событие цели репрезентуется средствами прямой референции – лексемами типа *цель, задача, назначение, предназначение, миссия*, которые в структурной схеме простого предложения занимают позиции подлежащего: ...**Главная цель, в этом не сомневаюсь, заключается в том, чтобы если не сорвать президентские выборы в России, то хотя бы как-то помешать** нормальному процессу волеизъявления граждан².

Или выступают в составе именной группы референциального выражения в рамках антецедентно-анафорического комплекса (антецедент – событие цели – заключен в квадратные скобки): ... Мы договорились о [**восстановлении каналов общения по всем вопросам в разных областях и по международным делам, включая Украину**]. Американцы должны определить своего специального представителя для этой цели³.

Следовательно, с точки зрения принципа Приоритета вершину иерархии составляют простые независимые предложения и антецедентно-анафорические комплексы разных структурных типов, содержащие коммуникативно значимую, а потому и максимально развернутую пропозицию цели.

Подчеркнем, выбор одной из целевых лексем представляет прагматически обусловленным и связан с их семантической и стилиевой неравнозначностью. Так, И. М. Кобозева акцентирует субъективный, психологический аспект выбора направления актуализации: «Считая тот или иной аспект ситуации более или

¹ Бергельсон М. Б. Прагматическая и социокультурная мотивированность языковой формы: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М., 2005. С. 14. EDN: NIOBQR

² Интервью Дмитрию Киселёву. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73648> (дата обращения: 12.03.2025).

³ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Лаврова в ходе совместной пресс-конференции с Министром иностранных дел Турецкой Республики Х. Фидамом, Анкара, 24 февраля 2025 года. Электронный ресурс. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/1999535/ (дата обращения: 05.03.2025).

менее важным, [говорящий] решает, как будет выражен соответствующий пропозитивный компонент семантической структуры» [12, с. 257]. Правомерность данных размышлений подкрепляют словарная статья из Словаря синонимов русского языка¹ З. Е. Александровой, в которой представлена иерархия из названных выше лексем, а также фрагменты естественного дискурса, подчеркивающие факт каскадирования (конкретизации) целеустановок в процессе интеракции:

Вопрос: Каковы Ваши **планы**, связанные с государственным строительством в течение нового срока полномочий? Каким образом Вы намерены достичь поставленных **целей**?

В. Путин: Поставленные в Послании **задачи** <...> носят объективный, фундаментальный характер².

Косвенная референция к цели осуществляется посредством ряда синтаксических конструкций, имеющих неодинаковую коммуникативную нагрузку. В большей степени прагматически значимыми выступают придаточные предложения цели (1), а также дестинативы, в составе которых девербативы и производные предлоги (2): 1) *...Депутаты парламента и члены Высшего госсвета – проявят ответственность за судьбу своей страны и сделают все необходимое, **чтобы выборы состоялись в соответствии с «дорожной картой» урегулирования***³; 2) *...Это, скорее всего, в интересах Украины, украинского государства, **с целью** сохранения украинской государственности*⁴.

Приведенные примеры и их позиционирование на последующих уровнях общей иерархии языковых репрезентантов целевой семантики вскрывает один из дискуссионных вопросов в современной грамматике – частеречный статус девербатива, который ряд исследователей [25], включая автора настоящей статьи, определяет как субстантивную глагольную форму. Подтверждение тому – способность предлога (или

¹ Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка. Практический справочник. Электронный ресурс. URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-aleksandrova/fc/slovar-214.htm#zag-33712> (дата обращения: 19.03.2025).

² Интервью информационному агентству Синьхуа. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/74027> (дата обращения: 09.03.2025).

³ Ответы заместителя Министра иностранных дел Российской Федерации С. В. Вершинина на вопросы МИА «Россия сегодня», 9 июля 2021 года. Электронный ресурс. URL: https://mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/1767586/ (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Ответы на вопросы журналиста Павла Зарубина. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/76331> (дата обращения: 19.03.2025).

союза?) с целью присоединять как девербативы, так и инфинитивы: В общем, целый набор по очень разным направлениям **с целью поддержать** семьи¹; Нас просили отвести войска от Киева **с целью создания** условий для окончательного заключения мирного соглашения².

Лексико-грамматическая трансформация подчеркивает принципиальную взаимозаменяемость данных конструкций (с целью поддержания семьи – с целью / чтобы поддержать семью, с целью создания условий – с целью / чтобы создать условия), которая тем не менее не является свидетельством их коммуникативной равнозначности: характер пропозиции предложно-падежной конструкции (свернутая пропозиция) не позволяет рассматривать их на одном уровне иерархии с точки зрения принципа Приоритета, к тому же стилистическая маркированность дестинативов ограничивает их функционирование рамками официально-делового и научного стилей.

Традиционно узнаванию цели в речевом потоке способствуют индикаторы – союз *чтобы* (в том числе составные союзы для того чтобы, с тем чтобы) и предлог *для*, однако семантика цели обладает серьезным корпусом и нетипичных языковых реализаций, включая синтаксические конструкции, не содержащие реляторы подчинительной связи, например, простые предложения с причастными и деепричастными оборотами: ...В ОБСЕ есть три основные направления («три корзины»). Они уже давно функционируют не очень регулярно, тем самым **лишая страны-участницы возможности обсуждать важные <...> вопросы развития**³; По случаю юбилея нами подготовлена выставка, **рассказывающая об истории и нынешнем развитии двусторонних отношений**⁴.

Безусловно, степень прозрачности семантики цели в представленных выше примерах разнится, обусловливается фак-

¹ Интервью Дмитрию Киселёву. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/73648> (дата обращения: 19.03.2025).

² Ответы на вопросы российских журналистов. Электронный ресурс. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/74469 (дата обращения: 19.03.2025).

³ Выступление и ответы на вопросы СМИ Министра иностранных дел России С. В. Лаврова по итогам переговоров с Генеральным секретарем Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе Ф. Синирилюглу, Москва, 11 марта 2025 года. Электронный ресурс. URL: https://mid.ru/ru/press_service/vizity-ministra/2002594/ (дата обращения: 19.03.2025).

⁴ Выступление заместителя Министра иностранных дел России С. А. Рябкова на открытии выставки, посвященной 80-летию установления дипломатических отношений между Россией и Никарагуа. Электронный ресурс. URL: https://mid.ru/ru/press_service/deputy_ministers_speeches/1987062/ (дата обращения: 19.03.2025).

торами собственно лингвистического порядка, а вычленить целевое значение представляется возможным, прибегая к методам лексико-грамматической трансформации: функционируют регулярно, чтобы лишить возможности; подготовлена выставка, чтобы рассказать об истории. Однако принципы нестрогости и градуальности, актуальные при категоризации языкового репрезентанта как члена той или иной семантической категории, позволяют квалифицировать указанные примеры как члены семантической категории цели, обладающие тем не менее невысокой коммуникативной нагрузкой.

Уровнем ниже в коммуникативной парадигме языковых репрезентантов цели размещаются беспредложные конструкции. Наблюдения над разными видами институционального дискурса последнего десятилетия позволяют констатировать факт предпочтительного использования конструкций типа *меры принуждения* (vs *меры по принуждению*), *средства выживания* (vs *средства для выживания*). В спонтанно организованном потоке политического дискурса соседствуют как предложные, так и беспредложные конструкции в похожем лексическом окружении: **...Создаётся отдельная программа поддержки** объёмом финансирования 75 миллиардов рублей на ближайшие несколько лет¹ vs **И мы заинтересованы в привлечении именно высококвалифицированных специалистов в Россию...** У нас вроде как целая **программа** даже **создана для этого**².

Стремление в одном выразить несколько смыслов стало ведущей тенденцией современного этапа развития языка, что одновременно выступает показателем ослабления коммуникативной значимости каждой из сем в составе семантики текстовой единицы, их коммуникативного выравнивания.

На нижнем уровне коммуникативной парадигмы размещаются импликатуры цели. Импликация – всегда асимметрия, обусловленная несовпадением плана содержания и выражения. И в этом смысле целевое значение отличается прагматической парадоксальностью: любое произвольное действие следует считать целенаправленным, что отнюдь не предполагает экспликации желаемого результата. Например, тривиальные цели, как правило, не провозглашаются: Он взял газе-

¹ Итоги года с Владимиром Путиным. Электронный ресурс. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/75909 (дата обращения: 19.03.2025).

² Там же.

ту, [чтобы читать]; Она открыла книгу, [чтобы читать]. Актуализация цели необходима, если она неочевидна, если логически не обусловлена действием или контекстуально: Он взял газету, **чтобы закрыть лицо**; Она открыла книгу, **чтобы отвлечься**. То же в условиях естественного дискурса: Территория огромная, самая большая территория в мире. И конечно, по стране нужно распределять крупные производственные центры, компании и органы управления¹ [для эффективного развития промышленности и производства].

С другой стороны, в диалогически ориентированных контекстах решение о манифестации цели принимает субъект исходя из собственных установок: цель, зарождающаяся в его сознании, не требует экспликации, скорее наоборот, ее провозглашение должно иметь некоторые основания, обуславливаться коммуникативными интенциями.

Таким образом, текстовые единицы с семантикой цели, которые в нашем понимании не имеют ничего общего с рубрикацией текста, так как реализуют свою семантику в том числе и контекстуально, в структурном отношении соотносятся с уровнями языковой системы и с точки зрения прагматического принципа Приоритета иерархически выстраиваются в парадигму (рис.), вершину которой занимают коммуникативно значимые независимые предложения, а нижние уровни – импликатуры цели.

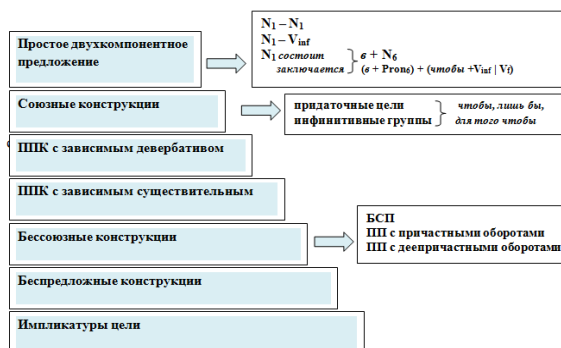

Рис. Коммуникативная парадигма языковых репрезентантов семантики цели

¹ Итоги года с Владимиром Путиным. Электронный ресурс. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/press_conferences/75909 (дата обращения: 19.03.2025).

Представленные ниже примеры позволяют обосновать ранжирование языковых репрезентантов в зависимости от грамматического престижа их формы:

- 1) **Цель** – не допустить голод в беднейших странах мира.
- 2) [Сделка направлена на помощь беднейшим странам мира], **чтобы** не допустить там голода;
- 3) [Сделка направлена на помощь беднейшим странам мира] **с целью** не допустить / недопущения там голода;
- 4) [Сделка направлена на помощь беднейшим странам мира] **для** недопущения там голода;
- 5) [Сделка направлена на помощь беднейшим странам мира] **от** голода;
- 6) Сделка направлена на помощь беднейшим странам мира.

Примеры 1–5 подчеркивают динамику редукции смысла «цель» (не допустить голод) в зависимости от грамматической формы ее экспликации: на этапе свертывания пропозиции до уровня девербатива (примеры 3 и 4) происходит утяжеление смысла в связи с добавлением стилистической краски, в примере 5 исходная пропозиция едва ощутима – ее интенциональность подменяется модальностью необходимости (избежать голод), если не брать во внимание развитие семантики назначения объекта (сделка) (для чего?) и его качества (какая?). Импликатура цели (пример 6) не означает ее отсутствия или смену статуса (информация о референте «Ресурсы» активизирована в примерах 2–6 одинаково): цель тривиальна и в ситуации «оказание помощи беднейшим странам мира» выступает таковой во всех примерах. В примере 6 ее словесная выраженность редуцируется до нуля, но в суперфокусе сознания она выступает обусловливающим макроситуацию фоном. В предложенных обстоятельствах естественного дискурса цель эксплицироваться не будет, разве что субъект речи сочтет необходимым пояснить, в каком именно направлении будет оказана помощь.

В оригинальном отрезке дискурса коммуникант выбирает следующий формат экспликации: Дело в том, что эта сделка изначально была обоснована ООН и Генеральным секретарём [Антониу Гутеррешем] как сделка, направленная прежде всего и главным образом на помощь беднейшим странам мира –

с тем, чтобы не допустить там голода¹, в котором на поверхности 3 сегмента целевой семантики: сделка направлена, направлена на помощь, чтобы не допустить голода, – чтобы вкупе с эмоционально-оценочной лексикой (изначально, прежде всего, главным образом, беднейшим) максимально акцентирует прагматический аспект ситуации цели.

Обсуждение и выводы

1. Языковая антиномия «субъективное vs объективное» в современном политическом дискурсе реализуется в ситуации прагматически обусловленного выбора коммуникантом (субъективное) способа языкового оформления события цели (объективное), причем его – способа – эквивалентность репрезентации ситуации цели в сознании выступает также феноменом субъективным.

2. Языковая антиномия «интеллектуальное vs аффективное» получает свое разрешение в дихотомии «информемы – прагмемы» цели и вкупе с вышеназванной антиномией субъективного – объективного позволяет ранжировать грамматические структуры, сообщающие о цели с точки зрения прагматического принципа Приоритета, и выстроить иерархически организованную парадигму языковых репрезентантов цели в порядке ослабления коммуникативной нагрузки.

3. Коммуникативная значимость имеет лексико-грамматические показатели: при прямой референции к целевому событию корпус лексем – квалификаторов цели разной степени семантической чистоты и прозрачности (цель, задача, намерение, назначение, план, миссия и др.), при косвенной референции к цели – реляторы (подчинительные союзы и предлоги), которые также обладают неодинаковой узнаваемостью в речевом потоке. Причем не только языковые маячки типа союза чтобы или предлогов с целью, для выступают сигналами семантики цели: о коммуникативно значимом сегменте смысла «цель» сообщают конструкции с разной степенью свертываемости пропозиции – в меньшей степени формы глагола (неопределенная, финитные, субстантивная), в большей степени существительные.

¹ Ответы на вопросы представителей СМИ. Электронный ресурс. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/interviews/71667> (дата обращения: 17.03.2025).

Вышесказанное означает, что реализация принципа Приоритета, предполагающего высвечивание наиболее значимых компонентов смысла высказывания путем оформления их более или менее грамматически престижными лингвистическими средствами, обусловливается субъективными установками говорящего, следовательно, сам принцип Приоритета выступает феноменом прагматического порядка. С этой точки зрения, смысл «цель» получает более или менее развернутое оформление в рамках предикативных структур разного уровня и коммуникативного статуса в соответствии с намерениями говорящего.

Список литературы

1. Абдувахובה Д. Э. Морфологические ресурсы русского языка // Экономика и социум. – 2024. – № 1. – С. 667–670.
2. Бабенко Л. Г., Казарин Ю. В. Лингвистический анализ текста. – М., 2019. – 132 с.
3. Бергельсон М. Б., Кибрик А. А. Прагматический принцип Приоритета и его отражение в грамматике языка // Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах. – М.: Наука, 1987. – С. 52–63.
4. Блохина Т. Р. Особенности рационального и эмоционального типов оценки в речевом жанре «онлайн отзыв» (на материале русского, английского и французского языков) // Филология. Серия: Гуманитарные науки. – 2022. – № 6. – С. 96–99. DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06.06. EDN: XRSIPJ
5. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. – М.: Наука, 2009. – 520 с.
6. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М.: Логос, 2003. – 304 с.
7. Виданов Е. Ю. Антиномия кода и текста в рекламной коммуникации // Казанская наука. – 2023. – № 8. – С. 43–46. EDN: CCIUWH
8. Виданов Е. Ю., Литвиненко Ю. Ю., Сарсембаева А. Ш. Антиномия говорящего и слушающего в фейковой коммуникации // Казанская наука. – 2023. – № 12. – С. 186–188. EDN: WBSXSS
9. Заика В. И. Речевая аномалия как ошибка и как прием // VERBA. Северо-Западный лингвистический журнал. – 2023. – № 5 (10). – С. 31–42. DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-31-42
10. Змазнева О. А. Рациональное vs эмоциональное: о некоторых приемах иррационального воздействия в убеждающей речи // Вестник МГПУ. Серия «Философские науки». – 2020. – № 3 (35). – С. 62–67. DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.07
11. Карпухина Н. М., Строганов И. А., Шерстюкова О. В. Рациональное и эмоциональное в языке современной экономики // Креативная экономика. – 2020. – Т. 14. – № 7. – С. 1467–1480. DOI 10.18334/ce.14.7.110648
12. Кобозева И. М. Лингвистическая семантика. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 352 с.
13. Крысин Л. В. К соотношению системы языка, его нормы и узуса // Коммуникативные исследования. – 2017. – № 2 (12). – С. 20–31. DOI: 10.24147/2413-6182.2017.2.20-31. EDN: ZEIUWF
14. Лекант П. А. Грамматические категории слова и предложения. – М.: Изд-во МГОУ, 2007. – 215 с.
15. Матвеева Е. О. Коммуникативные возможности рекламного текста и активные процессы в современном русском языке // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 1. – С. 125–133. EDN: TWENMT

16. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – Т. 1. – 568 с.
17. Панов М. В. Труды по общему языкознанию и русскому языку: в 2 т. – М.: Языки славянской культуры, 2007. – Т. 2. – 848 с.
18. Панов М. В. Языковые антиномии как внутренние стимулы развития языка // Абсурд в языке и коммуникации. – М., 2020. – С. 243–249. EDN: HQBBGP
19. Потенция А. А. Мысль и язык. – М., 2020. – 232 с.
20. Флоренский П. А. У водоразделов мысли. – М.: Правда, 1990. – 448 с.
21. Флоренский П. А. Антиномии языка // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 88–125.
22. Хауген Э. Лингвистика и языковое планирование // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. VII. Социолингвистика. – М.: Прогресс, 1975. – С. 441–478.
23. Хижняк С. П. Пути и алгоритм упорядочения законодательной терминологии // Юристь-Правоведь. – 2022. – № 3 (2). – С. 133–137. EDN: DXPPYT
24. Чибисов О. Н. Философские подходы к проблеме создания искусственного интеллекта // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2024. – № 2 (42). – С. 168–183. DOI: 10.24151/2409-1073-2024-2-168-183
25. Шарандин А. Л. К вопросу о языковом статусе девербативов // Горизонты современной лингвистики: Традиции и новаторство. – М.: Языки славянских культур, 2009. – С. 267–277. EDN: ZELFGH

Lyubov Voronina

Pragmatic Perspective of Rational Grammar: The Concept of Linguistic Antinomies and Its Realization in Contemporary Political Discourse

The focus is on the analysis of the linguistic dichotomies of "subjective vs. objective", "rational vs. emotional" in a discursive perspective. The goal of research is to identify implementation path linguistic antinomies by example of the text units with the purpose semantics, functioning in the genre of an interview with a political leader. Using the continuous sampling method on the empirical material of Russian mass media, a corpus of relevant linguistic representatives of the purpose semantics was revealed and analyzed from the point of view of their correlation with the levels of the language system and their ranked list is presented from the standpoint of the pragmatic principle of Priority, establishing a relationship between the subjective choice of the grammatical construction and the communicative-semantic significance of a text unit. It has been revealed that the purpose semantics is characterized by a serious resourcefulness of the expression plan, represented by two groups, distinguished on the basis of direct reference to the purpose event (qualifiers) and indirect reference (relators) and possessing different degrees of communicative significance, which in turn determines the hierarchical nature of the organization of linguistic representatives of the purpose semantics within the framework of the communicative paradigm modeled on systemic-linguistic and pragmatic grounds.

Key words: linguistic antinomies, purpose semantics, text units, political discourse, communicative paradigm, pragmatic principle of Priority.

For citation: Voronina, L. V. (2025) *Pragmatics of rational grammar: the concept of linguistic antinomies and its realization in contemporary political discourse* [Pragmatic Perspective of Rational Grammar: The Concept of Linguistic Antinomies and Its Realization in Contemporary Political Discourse]. *Art Logos – The Art of Word*. No. 2. Pp. 183–197. (In Russian). DOI: 10.35231/25419803_2025_2_183. EDN: SDSCSQ

References

1. Abdurahobova, D. E. (2024) Morfologicheskie resursy russkogo yazyka [Morphological resources of the Russian language]. *Ekonomika i socium – Economy and society*. No. 1. Pp. 667–670. (In Russian).
2. Babenko, L. G., Kazarin, YU. V. (2019) *Lingvisticheskij analiz teksta* [Linguistic analysis of text]. Moscow: (In Russian).
3. Bergel'son, M. B., Kibrik, A. A. (1987) Pragmaticheskij princip Prioriteta i ego otrazhenie v grammatike yazyka [The Pragmatic Principle of Priority and its Reflection in the Grammar of Language]. *Modelirovanie yazykovoj deyatel'nosti v intellektual'nykh sistemah* [Modeling of language activity in intelligent systems]. Moscow: Nauka Publ. Pp. 52–63. (In Russian).
4. Blohina, T. R. (2022) Osobennosti racional'nogo i emocional'nogo tipov ocenki v rechevom zhanre «onlajn otzyv» (na materiale russkogo, anglijskogo i francuzskogo yazykov) [Features of rational and emotional types of evaluation in the speech genre «online review» (based on the Russian, English and French languages)]. *Filologiya. Seriya: Gumanitarnye nauki – Philology. Series: Humanities*. No. 6. Pp. 96–99. (In Russian). DOI: 10.37882/2223-2982.2021.06.06. EDN: XRSIPJ
5. Bolotnova, N. S. (2009) *Filologicheskij analiz teksta* [Philological analysis of the text]. Moscow: Nauka Publ. (In Russian).
6. Valgina, N. S. (2003) *Aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke* [Active processes in modern Russian language]. Moscow: Logos Publ. (In Russian).
7. Vidanov, E. YU. (2023) Antinomiya koda i teksta v reklamnoj kommunikacii [Antinomy of code and text in advertising communication]. *Kazanskaya nauka – Kazan science*. No. 8. Pp. 43–46. (In Russian). EDN: CCIUWH
8. Vidanov, E. YU., Litvinenko, YU. YU., Sarsembaeva, A. SH. (2023) Antinomiya govoryashchego i slushayushchego v fejkovoj kommunikacii [The antinomy of the speaker and the listener in fake communication]. *Kazanskaya nauka – Kazan science*. No. 12. Pp. 186–188. (In Russian). EDN: WBSXSS
9. Zaika, V. I. (2023) Rechevaya anomalija kak oshibka i kak priem [Speech anomaly as an error and as a technique]. *VERBA. Severo-Zapadnyj lingvisticheskij zhurnal – VERBA. North-West Linguistic Journal*. No. 5 (Vol. 10). Pp. 31–42. (In Russian). DOI: 10.34680/VERBA-2023-5(10)-31-42
10. Zmazneva, O. A. (2020) Racional'noe vs emocional'noe: o nekotorykh priemah irrational'nogo vozdejstviya v ubezhdayushchej rechi [Rational vs. Emotional: Some Techniques of Irrational Influence in Persuasive Speech]. *Vestnik MGPU. Seriya «Filosofskie nauki» – Bulletin of Moscow State Pedagogical University. Series «Philosophical Sciences»*. No. 3 (Vol. 35). Pp. 62–67. (In Russian). DOI: 10.25688/2078-9238.2020.35.3.07
11. Karpuhina, N. M., Stroganov, I. A., SHerstyukova, O. V. Racional'noe i emocional'noe v yazyke sovremennoj ekonomiki [Rational and emotional in the language of modern economics]. *Kreativnaya ekonomika – Creative economy*. Vol. 14. No. 7. Pp. 1467–1480. (In Russian). DOI: 10.18334/ce.14.7.110648
12. Kobozeva, I. M. (2000) *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics]. Moscow: Edichorial URSS Publ. (In Russian).
13. Krysin, L. V. (2017) K sootnosheniyu sistemy yazyka, ego normy i uzusa [On the relationship between the language system, its norms and usage]. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication studies*. No. 2 (Vol. 12). Pp. 20–31. (In Russian). DOI: 10.24147/2413-6182.2017.2.20-31. EDN: ZEIUWF
14. Lekant, P. A. (2007) *Grammaticheskie kategorii slova i predlozheniya* [Grammatical categories of words and sentences]. Moscow: Publishing House of Moscow State University. (In Russian).
15. Matveeva, E. O. (2014) *Kommunikativnye vozmozhnosti reklamnogo teksta i aktivnye processy v sovremennom russkom yazyke* [Communicative possibilities of advertising text and active processes in modern Russian language]. *Kommunikativnye issledovaniya – Communication studies*. No. 1. Pp. 125–133. (In Russian). EDN: TWENMT
16. Panov, M. V. (2004) *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku: v 2 t.* [Works on general linguistics and the Russian language: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russian).

17. Panov, M. V. (2007) *Trudy po obshchemu yazykoznaniyu i russkomu yazyku: v 2 t.* [Works on general linguistics and the Russian language: in 2 volumes]. Vol. 2. Moscow: Languages of Slavic Culture Publ. (In Russian).
18. Panov, M. V. (2020) Yazykovye antinomii kak vnutrennie stimuly razvitiya yazyka [Linguistic antinomies as internal stimuli for language development]. *Absurd v yazyke i kommunikacii* [Absurdity in language and communication]. Moscow. Pp. 243–249. (In Russian). EDN: HQBBGP
19. Potebnya, A. A. (2020) *Mysl' i yazyk* [Thought and language]. Moscow. (In Russian).
20. Florenskij, P. A. (1990) *U vodorazdelov mysli* [At the watersheds of thought]. Moscow: Pravda Publ. (In Russian).
21. Florenskij, P. A. (1988) Antinomii yazyka [Antinomies of language]. *Voprosy yazykoznaniya – Linguistics Issues*. No. 6. Pp. 88–125. (In Russian).
22. Haugen, E. (1975) Lingvistika i yazykovoe planirovanie [Linguistics and language planning] *Novoe v zarubezhnoj lingvistike* [New in Foreign Linguistics]. Issue VII. Sociolinguistics. Moscow: Progress Publ. Pp. 441–478. (In Russian).
23. Hizhnyak, S. P. (2022) Puti i algoritm uporyadocheniya zakonodatel'noj terminologii [Ways and algorithm for organizing legislative terminology]. *YUrist"-Pravoved"* – Law-legal expert. No. 3 (Vol. 2). Pp. 133–137. (In Russian). EDN: DXPPYT
24. CHibisov, O. N. (2024) Filosofskie podhody k probleme sozdaniya iskusstvennogo intellekta [Philosophical approaches to the problem of creating artificial intelligence]. *Ekonomicheskoe i social'no-gumanitarnye issledovaniya – Economic and social-humanitarian research*. No. 2 (Vol. 42). Pp. 168–183. (In Russian). DOI: 10.24151/2409-1073-2024-2-168-183
25. SHarandin, A. L. (2009) K voprosu o yazykovom statuse deverbativov [On the linguistic status of deverbatives]. *Gorizonty sovremennoj lingvistiki: Tradicii i novatorstvo* [Horizons of modern linguistics: Traditions and innovations]. Moscow: Languages of Slavic cultures Publ. Pp. 267–277. (In Russian). EDN: ZELFGH

Об авторе

Воронина Любовь Валентиновна, профессор, Рязанский филиал Московского университета МВД России им. В. Я. Кикотя, доктор филологических наук, доцент (г. Рязань, Российская Федерация); e-mail: lv-voronina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4333-6685

About the Author

Lyubov Voronina, Professor, Ryazan branch of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia n.a. V. Ya. Kikotya, Doctor of Philology (Ryazan, Russian Federation); e-mail: lv-voronina@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4333-6685

дата получения: 21.03.2025 г.
дата принятия: 30.04.2025 г.
дата публикации: 30.06.2025 г.

date of receiving: 21 March 2025
date of acceptance: 30 April 2025
date of publication: 30 June 2025